

Итальянизация словенцев в Италии в период фашизма и ее отражение в их языке, культуре и самосознании (на материале полевых записей)

Мария Владимировна Ясинская

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-9137-6668

Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

Тел.: +7(495)938-17-80

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.12

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Аннотация. В статье на основании полевого материала, собранного в 2017–2022 гг. в регионе Фриули-Венеция-Джулия, анализируются воспоминания автохтонного словенского этнического меньшинства, проживающего на территории Италии вдоль италяно-словенской границы. Речь идет о насильственной итальянизации в период фашизма, когда словенский язык и словенская (и вообще славянская) идентичность оказались под строжайшим запретом. Нарушителям грозило суровое наказание (вплоть до смертной казни за разговор на родном языке). Дискриминация словенской идентичности со стороны властей и романского окружения, негативное отношение к контактам словенского этнического меньшинства с материковой культурой продолжились и в дальнейшем, в социалистический период, когда граница между Италией и Югославией стала рубежом между капиталистическим и социалистическим миром: общение с родственниками в Югославии, поездки туда воспринимались как знак приверженности левым взглядам, попытки заигрывания с социализмом. Несмотря на перечисленные негативные факторы, словенское этническое меньшинство по большей части сохранило свой диалект и идентичность, а память об исторической травме жива и по сей день и находит отражение в нарративах об итальянизации.

Ключевые слова: словенский язык, итальянизация, фашизм, национальные меньшинства, языковая ситуация, Италия, словенцы

Ссылка для цитирования: Ясинская М. В. Итальянизация словенцев в Италии в период фашизма и ее отражение в их языке, культуре и самосознании (на материале полевых записей) // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2025: «Время перемен» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 224–244. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.12

Словенское этническое меньшинство на территории Италии является автохтонным населением и проживает вдоль современной итальяно-словенской границы уже с VI–VII вв. На всем протяжении своей истории оно взаимодействует с романскими соседями – итальянцами и фриулами, благодаря чему в его языке и культуре обнаруживается множество контактных явлений, неизбежных и естественных при столь длительном этнокультурном соседстве (этот процесс можно охарактеризовать как естественную, ненасильственную «итальянизацию», которая происходила и продолжает происходить постепенно).

Отношения между словенским меньшинством и романским этническим окружением не всегда были безоблачными и добрососедскими, однако, без сомнения, самым тяжелым и травматичным для словенцев за всю долгую историю стал период фашизма: на него приходится наиболее активная их насильственная «итальянизация» (ит. *italianizzazione*, слн. *poitalijančevanje*, *potujčevanje* – букв. «обиностранивание»), при которой их язык и сама идентичность оказались под строжайшим запретом [Parovel 1993; Parovel 1996; Tasso 2010]. Ситуации, когда власть оказывает давление на национальные меньшинства, довольно распространены в истории, они влияют в том числе и на языковую ситуацию, сохранность языка и диалекта [см. Пилипенко 2025].

Активная насильственная итальянизация словенцев и хорватов началась еще до прихода фашистов к власти, сразу после Первой мировой войны на тех территориях, которые в результате распада Австро-Венгрии оказались в границах Италии. Итальянизация затронула также словенцев и хорватов, проживающих на землях,

позже отошедших к Югославии (в Истрии и Далмации). Итальянцы называли этот процесс *bonifica di confine* («приграничная чистка»). Словенцы и хорваты получили статус *allogeni* («иногородцы»), по отношению к ним романские соседи употребляли уничижительное наименование – *ščavi* [SSKJ s.v. *ščav*], *sclâf* (‘славянин’, ‘словенец’, первое значение – ‘раб’) [Erat s.v. *sclaf*]. Уже в период фашизма для противников итальянизации были созданы два концентрационных лагеря – Рабский (1942 г.) и Молатский (1942–1943 гг.). Следует отметить, что процесс итальянизации касался не только славянских народов, вошедших в состав Италии, но также и романских – например, фриулов и других представителей не итальянской нации, так как политика фашистской власти была направлена на то, чтобы нивелировать различия между языками и диалектами, в том числе романскими, избавиться от языкового многообразия и всех заставить говорить на унифицированном итальянском языке и считать себя итальянцами.

Этот период стал своего рода «эпохой перемен», оставившей у словенцев травму, память о которой жива и по сей день: свидетельства о тех временах становятся неперменной частью рассказов о жизни каждой семьи, о словенском языке в прошлом и настоящем.

Мы столкнулись с подобными воспоминаниями в ходе экспедиций к словенскому этническому меньшинству в Италии 2017–2022 гг. Наши собеседники рассказывали о том, как проводилась итальянизация, какие наказания полагались за использование словенского языка, как словенцы стремились сохранить свою идентичность порой ценой собственной жизни. В настоящей статье будут проанализированы воспоминания словенского миноритарного сообщества об итальянизации на примере нарративов, записанных во время полевых исследований в провинциях Гориция, Триест и Удине.

Тема итальянизации возникала в ходе интервью часто спонтанно, когда мы спрашивали о том, на каком языке говорили в семье, какие языки знали родители. Воспоминания о периоде насильственной итальянизации порой очень болезненны. Вот как об этом рассказывает один из наших собеседников:

Ko je prišla Italija sem, tu v prvi vrsti so prepovedali govoriti slovensko, tukej naši ljudje so govorili več jezikov, moj oče je

govoruw več jezikov. Kot vsak pri nas je govoruw slovensko, talijansko, nemško. Ko je prišla Italija, so prepovedali govort slovensko in nemško, in naši ljudje so govorili, so morali naučit samo jezik italijanski. In to je bilo zelo hudo... Ko je prišla nova italijanska oblast k nam, ko so prej povedali, to je bla fašistična oblast, ker niso smeli naši ljudje Slovenci govorit, je blo prepovedano govorit druge jezike, slovenskega svojega... in ko so dobili ljudi, so hodili posluškovat pod okna, če govorijo slovensko, in tokrat so jim storili... so jih poklicali in so jih storili pit ricino olje... to je ricino olje, to je po cel, po en črt litra pit tega olja, in to je blo kot ena kazen, in mnogi ljudje starejši, ki so pili ricino olje, so tudi umrli potem, na posledicah tega... to je delala fašistična oblast pri domačih naših ljudeh, ko niso govorili italijansko, ko šlišali da govorijo slovensko... in ne samo ricino, v nekaterih slučajih tudi olje navadno, od avtomobila so jih storili pit, to je blo tako, to je blo tipično fašističen način za potujčevat naše ljudi.

Когда сюда пришла Италия, здесь в первую очередь запретили говорить по-словенски, здесь наши люди говорили на многих языках, мой отец говорил на многих языках. Так как каждый у нас говорил по-словенски, по-итальянски и по-немецки. Когда пришла Италия, запретили говорить по-словенски и по-немецки, и наши люди говорили... должны были научиться только по-итальянски. И это было очень плохо... Когда к нам пришла новая итальянская власть, как раньше было сказано, это была фашистская власть, потому что наши люди словенцы не смели говорить, было запрещено говорить на других языках, своем словенском... и хватали людей, ходили подслушивать под окнами, не говорят ли по-словенски, и тогда им... их вызывали и их заставляли пить касторовое масло... и этого касторового масла по целому, по четверти литра пить этого масла, и это было как наказание, и многие пожилые люди, которые пили касторовое масло, они даже потом умерли от последствий этого... и это делала фашистская власть с нашими местными людьми, которые не говорили по-итальянски, когда слышали, что они говорят по-словенски... и не только касторовое, в некоторых случаях даже обычное масло, машинное их заставляли пить, это было так, это был типично фашистский способ десловенизировать наших людей.

[ZS].

Подобной казни итальянские фашисты подвергли, например, Лойзе Братужа (1902–1937), словенского композитора, органиста и хорового дирижера из Гориции: ему в горло было залито машинное масло, в результате чего он скончался в муках от тяжелого отравления. Его имя в настоящее время носит смешанный городской хор и словенский культурный центр в Гориции.

Воспоминания информантов из окрестностей Триеста о жестоким обращении с теми, кто говорил в публичных местах по-словенски, приводит в своей статье Г. П. Пилипенко:

Nas niso pustili govorit slovensko, jaz se še spomnim, to si lahko zapišete, kako sem z mojo nono, šel v Trst s tramvajem, iz Opčin v Trst gre en tramvaj, zdaj bo začel delovati spet, in smo z nono govorili v tramvaju kot po navadi, po slovensko, ne, in je pršel en fašist, v črni srajci, in je rekel: – Qui si parla solo italiano! In je oklafutal mojo nono, pred mano, jaz sem se zgrozil, to samo da vam povem, kako so Slovenci imeli strah govorit po slovensko v Trstu.

Нам не позволяли говорить по-словенски, я еще помню, это можете записать, как я с моей бабушкой ехал в Триест на трамвае, из Вилла-Опичина в Триест ходит трамвай, сейчас он будет снова ходить. И мы говорили в трамвае как обычно по-словенски. И пришел один фашист, в черной рубашке, и сказал: «Здесь говорят только по-итальянски!» (итал.) и дал пощечину моей бабушке передо мной, я ужаснулся. Это только чтобы вам сказать, как словенцы боялись говорить по-словенски в Триесте (Триест, Барковле)

[Пилипенко 2022, 257].

Характерно, что память об этих временах до сих пор актуальна, хотя наши собеседники во время фашизма были либо маленькими детьми, либо даже еще не родились: они – дети того поколения, которое жило в те времена, и рассказывают о них со слов родителей. В настоящее время словенский язык в некоторых общинах отчасти переживает расцвет благодаря деятельности словенских активистов, защищающих и пропагандирующих как язык, так и словенскую культуру. Одна из собеседниц с Краса вспоминает, как во время выступления их хора в одном из сел в Надижской долине к ним подошел человек и попросил петь тише, потому что в нем до сих

пор живет страх, что за пение на родном языке может последовать наказание.

...Ko smo prišli gor v vas na Matajur, smo zapeli Benečanska pesmi, en je peršow en možak kar iz vasi, je rekuw: «Veste kaj, – je rekuw, – Jaz tako zelo rad poslušam! Ma se tako bojim! Pojte bolj potihem!..»

Когда мы пришли наверх в деревню на Матаюр, мы запели венецианско-словенские песни, и пришел один мужчина прямо из деревни, он сказал: «Знаете что, – сказал, – мне так нравится слушать! Но я так боюсь! Пойте потише!..»

[JK].

Этот усвоенный с молоком матери страх часто затрудняет работу исследователей, потому что с чужими словенское этническое меньшинство предпочитает говорить на итальянском языке, и порой бывает очень трудно убедить их довериться незнакомцам и начать говорить на своем диалекте, необходимо наличие «проводника» – человека из их общины, которому они доверяют.

Насильственная итальянизация напрямую коснулась **антропонимов** [см. подробнее: Mlinarič 2014; Ясинская 2022]. Наши собеседники свидетельствовали, что словенские фамилии часто были изменены на «итальянские» буквально в течение одного дня, за отказ изменить фамилию грозил штраф.

Takrat pod fašizmem če eden je bil, ne vem, Božič, te je zapisu Bossi, eden je bil Sardoč, je peršow Sardo ven, takoj, čez noč! Če ti si imal javnu službu, al kjerkoli si delal nekaj službeno kaj, enostavno te niso vprašali nič, te so perkrestili, če celo prav dobro, če ne – ajdi! <...> si zdo bil službo in si šow, ne...

Тогда при фашизме, если один был, не знаю, Божич, его записывали Босси, если кто-то был Сардоч, превратился в Сардо, моментально, за одну ночь! Если у тебя была государственная работа, или где-то ты что-то делал по работе, тебя вообще не спрашивали, переименовали, и хорошо еще, если удачно, а нет – давай! Ты получил службу и шел, ну...

[ZK].

Имена взрослых были изменены на итальянский манер, а давать словенские имена новорожденным запрещалось.

Recimo, sploh niso dovolili, da ime slovensko, ne, recimo Ivo, Ivan, ne, ni blo dovoljeno, Giovanni, ne...

Скажем, вообще не разрешали, чтобы было словенское имя, скажем, Иво, Иван, было бы нельзя, Джованни, ну...

[AK].

Jaz sem rojen tri in štirideseteya, torej pod... pod fašizmom, ker fašizem je bil do, do septembra tri in štirideset, jaz sem rojen avgusta, torej en mesec preden je padel fašizem, in takrat ni bilo dovoljeno dajat slovenskih imen, niso smeli, tako da jaz sem krščen... župnik je hotel dat slovesnko, tudi naši moji starši, Damjan, nismo dat talijanskega ni hotuw, in je napisal po latinsko, torej Domianus... jst... v krstni knjigi sem Domianus, ne, tako... in pol je... pol uradno, pol sem bil Damiano, talijansko in zdej zadnje čase je zakon ki dovoljuje da lahko pridobimo spet... ee... slovenske prijimke ali pa imena, pa voljno, ne... tako da se jaz Damjan, ne, postal.

Я родился в сорок третьем, то есть при... при фашизме, потому что фашизм длился до сентября сорок третьего, а я родился в августе, то есть за месяц до того, как пал фашизм, и тогда не было разрешено давать словенские имена, не смели, поэтому я крещен... священник хотел дать словенское, и наши... мои родители тоже – Дамиан, не хотели давать итальянского имени, и записал по-латински, то есть Домианус... я в метрике Домианус, ну, так... и потом... потом официально, потом я был Дамиано, по-итальянски, и сейчас в последнее время закон разрешает, чтобы мы вернули... ээ... словенские фамилии или имена, можно... поэтому я стал Дамиан, ну

[DP].

В результате часто складывалась ситуация **двуименности**: одно имя было официальным (uradno), а второй – для «своих» (po domače). В том случае, если речь идет о международных христианских именах, такие имена просто выступают в своих двух формах – итальянской и словенской: *Giuseppe / Jože (Joško)*; *Luigia / Luiza*, *Guglielmo / Viljem*, *Giovanni / Janez* и т. д.

...Zak smo se klical, moj tata se klicuw, Giovanni, ma moja mama ya j klicala Janez, ja, oo Giuseppe, Jožef, so bli vse bese-we, priimki so bli...

...так как мы назывались... мой папа звался Джованни, моя мама его звала Янез, да, или Джузеппе, Йозеф, были все сло... все фамилии были <итальянские>...

[SB].

Jas sem, Jože, Vero, ime no, Giuseppe bi blo, ne, Jožko, tako.
Я Йоже, Беппо, имя, ну, Джузеппе бы было, ну, Йошко, так...

[GC].

Вот как говорит об этой ситуации жительница Канальской долины (Val Canale), где также происходил процесс *potujčevanja* («обиностранивания»), однако связанный не с итальянским, а с немецким языком.

...Imena so bila vedno italijanska, ko je blo pod Italijo, potem, ko je blo pod Avstrijo, so bile vedno nemško napisane, ne... potem pa je odvisno od družine, ne, če bil Jozef, je bil lahko tudi Peppi, ali bil... italijansko nikoli, ne, Giuseppe ni, to je italijansko ime od Jozefa, ni bilo nikoli, ne... Peppi ali Jozef, ali... Jozi.

...Имена всегда были итальянскими, когда были под Италией, а когда были под Австрией, всегда были написаны по-немецки, ну... и это зависело от семьи, ну, если бы был Йозеф, то бы мог бы быть также Пеппи, или был... никогда не было по-итальянски, ну, Джузеппе – нет, это итальянский вариант имени от Йозефа, не было никогда, ну... Пеппи или Йозеф, или... Йози

[AW].

То есть сокращенные итальянские варианты от имен могли использоваться в повседневном обиходе параллельно со словенскими (например, итальянский вариант сокращенного имени от *Giuseppe* – *Peppi* мог выступать в качестве замены словенских наименований *Jozef* и *Jozi*, *Jože*, *Joško*), а вот полные имена (*Giuseppe*) – только в официальных документах. Иногда официальному имени могло противопоставляться *hišno ime* (так называемое имя дома), то есть прозвище, по которому знали всех членов семьи, живших в том или ином доме. Это явление широко распространено в том числе и в материковой Словении.

Одним из вариантов двуименности был **перевод** имени, в результате чего мы сталкиваемся с такими вариантами, как: *Viviana* /

Živa, Valentino / Zdravko, Caro / Drago, Chiara / Jasna, Natale / Božo (от слн. *Božič* ‘Рождество’) и др. То есть в документах человека было записано итальянское имя, тогда как все окружающие в общине, в том числе он сам, именовали себя словенским вариантом имени. Подобная ситуация сохраняется до сих пор.

Namesto da sem Zdravko, sem bil zapisan Valentino... ker Zdravko med fašizmem ni bilo mogoče, je bilo slovensko ime, slovansko, slovensko, ko česte, hočete, in to ni blo mogoče, ne... i to je bla pisno Valentino, ker Valentin je Zdravko štirinajstega februarja je Valentin-Zdravko, ne... in moja mama si želela Zdravko, samo ni bilo mogoče, in ostal Valentino, ne... takole uradno moje ime moje Valentino...

Вместо Здравко я был записан Валентино... потому что Здравко во время фашизма было невозможно, это было словенское имя, славянское, словенское, как хотите, и это было невозможно... и было записано Валентино, потому что Валентин это Здравко, 14 февраля – Валентин-Здравко, ну... и моя мама хотела Здравко, но это не было возможно, и я стал Валентино, ну... Так что официально меня зовут Валентино...

[ZK].

To je drugačna zgodba. Starši so mi izbrali ime Viviana, potem so me začeli klicat Živa. Ena zgodba je bla med teto, ki je mi bila botra, ki je pač to predlagala, ona je slučajno brala en roman... Tudi zato, da včasih ni bilo prav enostavno dajat slovenska imena, ne... so pa nekatere... take so navadje na variante k imenom, me, recimo ko so cele generacije...

Это другая история. Родители мне выбрали имя Вивиана, а потом меня начали звать Жива. Эта история случилась из-за тети, которая была моей крестной, она это имя предложила, так как читала один роман... Также из-за того, что когда-то не было просто давать словенские имена, ну, некоторые... привыкли к тому, что имена имеют варианты, целые поколения...

[ŽG].

Итальянизация коснулась и **фамилий** словенского этнического меньшинства. Процесс происходил в два этапа: сначала словенские

фамилии записывали в итальянской графике, затем, с 1926 г., фамилии стали изменять более радикально: усекать словенские суффиксы, добавлять итальянские, использовать стратегию перевода. В следующем примере информант рассказывает о том, как его дед сам прибавил к своей фамилии финаль *-i*, чтобы она звучала на итальянский манер, желая показать себя лояльным итальянской власти.

Moj nono, lahko je bil... saj je še bil sada župan za se pokazati buj terdejší de de je Talijan je dodal on tisti *-i* zadnji, tako da, to Chiabudini, ma naš primo je K'jabudin, Budini so, družine tam na Krasu, ne vem odkod, bi blo, a smo, smo vsi tu v žlahti, kar je Chiabudin.

Мой дед, он мог быть... ведь тогда был глава, и чтобы показать, что он более идейный, что он итальянец, он прибавил этот *-i* сзади, поэтому Киабудини, но наш племянник – Кьябудин, Будини – это семьи там на Красе, не знаю, откуда, так бы было. А мы, все мы здесь в родне, кто Кьябудин

[GC].

Ne, priimki so bli tudi, pod fašizmom so bli spremenjeni, sicer pa... jaz sem, Paulin nisem, je bi lahko bilo Pavlin, »v«, ne, ampak to je odvisno, ko so pisali, ne, če je zapisali na roko, uj, »v« je... meni niso uradno spremenili prijimka, je blo vedno, je bil vedno tako, ne. Inn... medtem ko so drugi so prav med fašizmom, so prav menjali prijimke, ne. Recimo, primer, Bratuž, ne, je bil Bertosci, talijansko, tako inn... vsi, torej večina takrat so menjali prijimke, ne, večina tukej... ljudi, ne. Tukaj ne samo... vse ta, kar je spadalo pod Italijo takrat, ne. So te vse menjali, ne.

Ну, фамилии тоже во время фашизма были изменены, впрочем... я не Паулин, я мог бы быть Павлин, «в», ну, однако это зависело от того, как записали, ну, если писали от руки, «в» было бы... мне официально не меняли фамилии, всё время было так, ну... И в то время как другим во время фашизма на самом деле меняли фамилии, ну. Скажем, например, Братуж, ну, он был Бергосси, по-итальянски, так и... все, то есть большинство тогда меняли фамилии, ну, большая часть людей здесь, ну... И не только здесь, везде, где стала Италия тогда, ну. Все эти люди меняли, ну

[DP].

В приведенном выше тексте наш собеседник противопоставляет итальянское написание имени (в данном случае фамилии) *Paulin* и словенское *Pavlin* и говорит о том, что написание часто зависело от того, кто записывал имя в документах, часто писали на слух и от руки, поэтому могли возникать искаженные варианты. Часто итальянизация фамилий происходила путем записывания созвучных сочетаний: таким образом, например, была итальянизирована фамилия *Bratuž – Bertosci*.

Один из наших собеседников рассказывает, что отстоять словенскую фамилию уже во времена социализма в Югославии ему удалось благодаря тому, что в конторе работала его приятельница-словенка, которая смогла точно переписать его фамилию с правильной диакритикой. Он подчеркивает, что возвращение словенского облика фамилий требовало и до сих пор требует преодоления значительных бюрократических препятствий.

...Jaz v moji izkaznici mom prov Klanjšček slovensko zapisano, ne... (показывает документы), strešice, Klanjšček... ma zakaj, ma zato... veste zakaj... zanimivo, ker jaz sem mal prijatelcu tukaj na, na uradu za, za, za... kdor je uraduw za te stvari, ne... <...> in kadar sem peršow v Horicu, tale ki je bla na matičnu uradu, je bla moja prijatelca, Slovenka... in sm rekuw, kadar je peršow prepis z občine dol, sem rekuw »prepiši mi točno moj prijimek«, ne... druyāče bi ne mal teya... bi moral napravrt prošnju, tožit državu, da mi je prijimek iznakazla in lahko potem dobiš tožbo in prašaš za pravilni prijimek, to je veliko ljudi, ki sploh teya se ne upajo, ker potem morš vso dokumentarstvo, vse spreminjat, tolko reči, da je obupno, ne... ker maš od... tey do teya vse, vse spreminjat, ne... tole bi morlo bit enostavno, ker fašizem je zapadel, bi morlo bit enostavno, samo nič ni enostavno, kar je v Italiji... absolutno ne! Mene... zame je sreča, da sem mal prijatelcu, ki je delala matičnu uradu, in ona bla moja sopevka, jaz sem pri profesorju, kjer sem jaz prej pel, ona pela z menoj, je bla učiteljica po poklicu, in jee namesto bit učiteljica dobila zaposlitev tam naa na matičnu uradu na občini Horici, in sem rekuw »Antonjeta, kadar boš, kadar boš pisala, prepisala, ti prepiš mi točno prijimek!« in zdaj mi pišejo zmeraj prijimek takole točno, ne... druyāče bi moral prav prošnje še en še, ne... takole...

У меня в моем паспорте прямо записано по-словенски Кланшчек (показывает документы), с гачеками... Кланш-

чек... а почему, а потому... знаете почему... интересно, потому что у меня была подруга здесь в... в конторе для, для, для... тех, кто организует эти вещи... <...> и когда я пришел в Горицу, там в конторе была женщина, она была моя подруга, словенка... и я сказал, когда из управления пришел приказ, я сказал: «Перепиши мне точно мою фамилию». Ну, иначе бы у меня этого не было... мне бы пришлось писать запрос, судиться с государством, что мою фамилию исказили, и можешь потом получить предписание суда и ходатайствовать о правильной фамилии. И много людей, которые даже не надеются, потому что потом нужно идти в паспортный стол, всё менять, столько хлопот, что можно отчаяться, ну... потому что нужно от сих до сих всё менять, ну... это должно бы было быть более просто, когда фашизм пал, должно бы быть просто, только ничего не просто, потому что это в Италии... абсолютно не просто! Мне... мне повезло, что у меня была подруга, которая работала в конторе, мы вместе пели в хоре, я был у профессора, где я прежде пел, она пела со мной, была учительница по профессии, и вместо того чтобы работать учительницей, устроилась в контору при общине в Гориции. И я сказал: «Антоньета, когда будешь... когда будешь меня записывать, переписывать, ты перепиши точно мою фамилию!» И сейчас мне всегда пишут фамилию вот так точно, ну... иначе бы пришлось подавать прошение, и так далее, и так далее... вот так вот

[ZK].

Другая наша собеседница из провинции Гориция делится своим опытом, как она пыталась вернуть себе словенский облик фамилии в 1973 г. и столкнулась с непониманием со стороны итальянских властей, которые подозревали ее в сочувствии коммунистическому режиму и в желании переехать в социалистическую Югославию¹:

¹ При этом в самой Югославии, «не присоединившейся» стране, тоталитарным считался режим, установившийся в Советском Союзе, тогда как в Италию югославы могли ездить, привозить оттуда товары, перепродавать их, и за это им не грозило наказание. Граница не была непроницаемой, а жители приграничных территорий пользовались привилегией льготного посещения соседней страны.

...In leta tisoč devetsto tri in sededeset, sen jst dobila dokument, v župnišču, v farožu... ee... s katerim so nam fašisti leta tri in trideset spremenili prijimek, in potem samo hote- sem s mojo sestro sva se odličili da hočemo nazaj prit v to, e to... in sn nardila sama, polno parirjev, komplicirano, tako naprej... in leta tri in sededeset me je klical... Mariš- carabinerji... to so bli, v vsaki vasi so bli carabinerji, ne... <...> ker smo ob meji, v vsaki vasi so bli, me je peršou klicat tisti appuntato, tisti nižji, ne, pride v kasarno, ker hoče, ker maresciallo, ta glavni, govoriti z mano, sn šla... in me je tam spraševal, kako to, da si spremenim prijimek, nazaj... da potem, da če bom šla živet v Jugoslavijo, sem rekla: »ne, mi smo tu doma«. »Ja, je reku, – Potem zakaj si menjate, zakaj vam ni prov ta prijimek?«, ecco tisti, so nam ga je fašizem spremenil, Italija... sem rekla »ne, ne« »ma se vam ne spleča« »ma kako ne?« »Ja, je reku, vam nasvetuje dan«, me je straševal, me je ustrahoval leta tri in sededeset! Kot je tudi v Jugoslaviji je bla tajna policija, ne, v Rusiji tudi je bla <...> Ma že takrat me je klical na zagovor, ne, čeprov Italija je bla demokratična republika, ne, ustava, tretij člen vsi so enaki pred zakonom po vieri, po jeziku, po... ma ni, ni...

...И в 1973 году я получила документ в правлении, в мэрии... по которому нам фашисты в 1933 году поменяли фамилию, и тогда мы только с моей сестрой решили, что хотим вернуть назад ту... и я сама заполнила кучу бумаг, сложно, и так далее... и в 1973 году меня вызвал марш... карабинеры были... в каждой деревне были карабинеры, ну... <...> потому что мы жили рядом с границей, в каждой деревне были, и меня пришел звать этот капрал, этот нижний чин, ну, чтобы я пришла в казарму, потому что фельдфебель, этот главный, хочет со мной поговорить, и я пошла... и он меня там спрашивал, зачем я хочу поменять назад фамилию, и не собираюсь ли я переехать в Югославию. Я ответила: «Нет, наш дом здесь». – «Да, – говорит, – тогда зачем меняете, чем вас не устраивает эта фамилия?» Ну это, нам ее фашизм изменил, Италия... я сказала. «Нет, нет, но вам не стоит!» – «Да почему нет?!» – «Да, – сказал, – вам назначат день». Меня пугал, меня страшил еще в 1973 году! Как в Югославии была тайная полиция, ну, в России тоже была! <...> Но уже тогда меня позвал на беседу, ну, хотя Италия была демократической республикой, ну, устав, третий пункт, что все равны перед законом по вере, по языку, по... но нет, нет...

[MČ].

Хотя времена фашизма остались далеко позади, наши информанты вспоминают, что в период социализма, когда граница² между Италией и Словенией, в то время входившей в состав Югославии, стала восприниматься, по сути, как граница между миром капиталистическим и миром коммунистическим, выезд в Югославию даже на пару дней мог вызывать неприятие у итальянских властей и им сочувствующих, таких людей называли «титины» – то есть приверженцы Иосипа Броз Тито, «титовцы». Не все словенцы в условиях такого жесткого давления были настроены сохранять свою идентичность. Одна из наших собеседниц рассказывает о своем отце:

Moj tata počasu-počasu je šow na grugo stran, torej nismo več Slovenci, smo Talijani, smo... ko sem začela jaz to... so bile te skupine, je bilo kulturno društvo »Rečan«, so bli eee... in smo začeli no malo takuo videt kaj je to, ma kaj je to... ecco... allora, smo Slovenci, allora, kaj je... in smo začeli. In takrat <...> z mojim tatom smo miel... sem miela težave z mojim tatom. <...> Allora, na eni strani moj tata je vedel da smo Slovenci in je prav da je to. Na drugi je mislil, da smo v Italiji torej konec tej stvari, torej konec. Če si ti Slovenka, če se drži za slovensko, si titina! Ne, živim v Italiji, govorim slovensko, moj tata ni mogl razumel... so mu deli v glavo. Ma res, ma res so nardil... jaz mislim da jih tako strahovali, da so res mislili... allora, če dan ti reče: »Ti ne razumeš! Ma kaj si ti?! Ma pošlušaj mene, ki sem hodiw na šuole!« Ti potem če slišiš to vsaki dan, kaj misliš? Ma res, ima prav on.

Мой папа понемногу перешел на другую сторону, что мы больше не словенцы, что мы итальянцы... когда я начала, были группы, было культурное содружество «Речан», были эээ... и мы начали так потихоньку видеть, как и что... ну, что мы словенцы, ну... и так мы начали. И тогда с моим отцом у меня были проблемы <...> Ну, с одной стороны, мой папа знал, что мы словенцы, и это нормально. С другой стороны, он думал, что, поскольку мы в Италии, то нужно закончить с этими вещами, то есть конец. Если ты словенка, если ты держишься за словенское, ты «титовка»! Нет, я живу в Италии, говорю по-словенски, мой папа не мог этого понять... ему это вложили в голову. Но на самом деле так сделали... я думаю, что их так запугивали, чтобы они так дума-

² Подробнее о восприятии границы и пограничья см.: Ясинская 2021.

ли, ну, если тебе кто-то говорит: «Ты не понимаешь?! Да кто ты такой?! Послушай меня, я ходил в школу!» И ты это слышишь каждый день, что ты будешь думать?! Ну да, он прав [DL].

В следующем нарративе та же информантка вспоминает, как после выезда в Югославию на пару дней им с подругой пришлось выслушать проповедь священника, который назвал их «испорченными» и призвал общину молиться о спасении их душ (события происходили в конце 1970-х гг.).

Jaz se spomnim, ko sem bla minina, ke moji so hodili v Jugoslavijo, moj srcic je imel avto in mi smo šli v Jugoslavijo, so vedno pravili... so hodili gor, ampak... pazi, tam so hudi ljudje. Ma! Ma kaj, če mi gremo gor v Kobarid, gremo jest in vi gor... so bili tiste stvari, ki jih ko si otrok ne razumeš, na kako! <...> se spomnim, ko smo šli prvikrat z Marino na Mlado Brezo, ta poletno letoanje, ko smo se vrnile v soboto, v nedeljo smo šli h maš kot vedno, in so ble tiste molitve... molimo za... v italijanščini, seveda, v moji cerkvi... molimo za, molimo za... in na koncu je rekl: »In molimo za te dve puncici... kako bi naj prevedla... ki so šli za Slovenijo, da so se pokvarile...« jaz sem se pokvarila... torej... so vsi pogledal na nas... kaj bo?! <...> sem imela 20 let <...> ni je šel v nebesa ta gaspuod.

Я помню, когда я была молодая, мои ездили в Югославию, у моего дяди была машина и мы ездили в Югославию, всегда говорили... мы ездили туда, но всегда говорили: смотри, там плохие люди. Ну как?! Если мы едем туда в Кобарид, едем я и вы... были такие вещи, которые ты, будучи ребенком, не понимал, ну как?! <...> помню, когда мы с Мариной впервые поехали на «Младу Брезу», летний фестиваль (?), когда мы вернулись в субботу, а в воскресенье как обычно пошли на мессу, и были эти молитвы... помолимся за... по-итальянски, конечно, в моей церкви... помолимся за... помолимся за... и в конце священник сказал: «И помолимся за двух девушек... как бы это перевести... которые поехали в Словению, и они испортились...» Я испортилась, то есть... и все посмотрели на нас... что будет? <...> мне было 20 лет <...> тот священник не вошел в Царство Небесное!..

[DL].

Итальянизации подверглись также **топонимы**, и это та сфера, которая и по сей день наглядно об этом напоминает (в том числе и благодаря лингвистическому ландшафту – дорожным указателям, мемориальной эпиграфике и др.) [Ясинская 2024].

Причем нетрудно заметить, что словенские наименования населенных пунктов исконны, а их итальянские аналоги возникли уже на их основе и представляют собой либо перевод, либо набор звуков, примерно передающий словенский фонетический облик, обладающий, в отличие от итальянского названия, внутренней формой: слн. *Sauodnja* / ит. *Savogna* (словенское название имеет прозрачную структуру – *so+voda* ‘место слияния рек’); слн. *Hrastovije* / ит. *Crostu* (словенское название мотивировано производящим словом *hrast* ‘дуб’); слн. *Jazbine* / ит. *Giasbana* (словенский топоним происходит от *jazbec* ‘барсук’). На этот факт обращали внимание и наши словенские собеседники:

...pravilno bi morlo bit Jazbine, ne... v italijanščini so potem izrekli, da je Giasbana, ker Italijani prekrestijo takoj vse, ne... tudi... se da prekrestit takole približno dobro, če ne pa prekrestijo popolnoma da ni sploh razumljivo, ne...

...правильно бы должно быть Язбине, ну... а по-итальянски потом написали, что это Джазбана, потому что итальянцы переименовывали моментально всё, ну... даже... <хорошо еще> если переименоуют приблизительно хорошо, то переименоуют так, что абсолютно непонятно, ну...

[ZK].

В настоящее время, когда словенский язык находится под защитой государственных законов No 482/1999 («Нормы в области защиты исторических языковых меньшинств») и No 38/2001 (специальный закон, посвященный словенскому языковому меньшинству), а также регионального закона No 26/2007 (тоже посвященный словенскому меньшинству), стали возможными надписи на словенском языке в публичном пространстве: например, двуязычные дорожные указатели. Однако и сейчас они порой подвергаются нападкам националистически настроенных представителей этнического большинства: время от времени можно увидеть вымаранные словенские надписи на указателях, что вызывает в памяти старшего поколения аналогии с той травмой, свидетелями которой

были еще их родители, а также времена югославского социализма, когда общение с Югославией не приветствовалось и считалось подозрительным, связывалось с сочувствием коммунизму и социализму. Память о травме до сих пор жива и сохраняет актуальность: даже сейчас итальянские жители жалуются, что порой некоторые словенцы могут называть их «фашистами», с другой стороны, итальянцы могут свысока относиться к малой нации, помня, что некогда у их предков словенцы были в услужении (память о чем сохранилась, в частности, в этнофолизмах слн. *ščav*, фриул. *sclaf*, ит. *schiavon* [Battaglia 1995: 999–1000]).

Список информантов

- AK – муж., 1940 г.р., род. и живет в Сан-Флориано-дель-Коллио (Штеверьян). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- AW – жен., 1965 г.р., род. и живет в Уговицце (Укве), Канальская долина. Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- DL – жен., 1957 г.р., род. в Бельгии, живет в Сан-Леонардо (Свети Ленарт). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2022 г.
- DP – муж., 1943 г.р., род. и живет в Сант-Андреа (Штандреж). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- GC – муж., 1933 г.р., род. и живет в Пульфери (Подбонесец). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- JK – жен., 1941 г.р., живет в Сан-Флориано-дель-Коллио (Штеверьян). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- MČ – жен., 1942 г.р., род. и живет в Савонье (Соводне). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- SB – жен., 1938 г.р., род. и живет в Кросту (Храстовие), провинция Удине. Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- ZK – муж., 1939 г.р., род. в Верхнем Церово (Словения), живет в Гориции (Италия). Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2017 г.
- ZS – муж., 1941 г.р., Вилла Опичина (Опчине), провинция Триест. Зап. М. Ясинская в 2018 г.
- ŽG – жен., 1948 г.р., род. Вилла Опичина (Опчине), провинция Триест; живет в д. Мерсо ди Сопра, провинция Удине. Зап. Г. Пилипенко, М. Ясинская в 2018 г.

Литература и источники

- Пилипенко 2022 – *Пилипенко Г. П.* Восприятие Триеста в нарративах словенцев в Италии // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 247–267.
- Пилипенко 2025 – *Пилипенко Г. П.* Военная диктатура в странах Латинской Америки и ее влияние на языковую ситуацию восточнославянских переселенческих сообществ (по свидетельствам информантов) // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2025: «Время перемен» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 245–266. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.13
- Ясинская 2021 – *Ясинская М. В.* Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Горичия) // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 50–74. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74
- Ясинская 2022 – *Ясинская М. В.* Некоторые особенности функционирования антропонимов у словенцев на итальянско-словенском пограничье (на материале полевых исследований) // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 3. С. 126–145.
- Ясинская 2024 – *Ясинская М. В.* Специфика языкового ландшафта словенцев в Италии (долины рек Торре и Натизоне) // Русин. 2024. № 75. С. 233–247.
- Battaglia 1995 – *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Т. XVII. Torino: Unione Tipografica Editrice Torinese, 1995. 1044 p.
- Erat – *Erat J.* Furlansko-Slovenski slovar. Il dizionari Furlan-Sloven. 2008. https://www2.ung.si/~jezik/furlanscina/Erat_2008_furlansko-slovenski_slovar_A-B.pdf.
- Mlinarič 2014 – *Mlinarič M.* Poitalijančevanje slovenskih imen in priimkov med prvo in drugo svetovno vojno. Diplomsko delo. Ljubljana, 2014. 84 s.
- Parovel 1993 – *Parovel P.* Izbrisani identitet. Nasilno potalijančevanje prezimena, imena i toponima u «Julijskoj Krajini», od 1919. do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5.300 dekreta. Pula: Istarsko književno društvo “Juraj Dobrila”, 1993. 235 s.
- Parovel 1996 – *Parovel P.* Velika prevara na slovenski zahodni meji. Kamnik: Slava, 1996. 113 s.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika / druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Ljubljana, 2014 // Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. www.fran.si (дата обращения: 3.5.2025).
- Tasso 2010 – *Tasso M.* Un onomasticidio di Stato / introduzione di Boris Pahor. Trieste: Mladika, 2010. 192 p.

The Italianization of Slovenes in Italy during the Fascist Period and its Reflection in their Language, Culture, and Identity (Based on Field Recordings)

Maria Yasinskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

PhD in Philology, Research Fellow

ORCID: 0000-0001-9137-6668

Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Leninsky Avenue, 32A,

Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7(495)938-17-80

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.12

The reported study was funded by the Russian Scientific Foundation, Project No 20-78-10030 "The language and cultural contact during the social transformations among the national minorities in the Alpine-Pannonian region".

Abstract. Based on field materials collected between 2017 and 2022 in the Friuli-Venezia Giulia region, this article analyzes the memories of the autochthonous Slovenian ethnic minority living in Italy along the Italian-Slovenian border. The focus is on the period of forced Italianization during the Fascist era, when the Slovenian language and Slovenian (and Slavic identity in general) were strictly prohibited. Violators faced severe punishment, including the death penalty for speaking their native language.

Discrimination against Slovenian identity by the authorities and the Romanesque environment, as well as a negative attitude towards contacts between the Slovenian minority and the culture of mainland Slovenia, persisted in the subsequent socialist period. During this time, the border between Italy and Yugoslavia became a frontier between the capitalist and socialist worlds. Consequently, communication with relatives in Yugoslavia or travel to the country were perceived as a sign of leftist sympathies and an attempt to flirt with socialism.

Despite these adverse factors, the Slovenian ethnic minority has largely preserved its dialect and identity. Furthermore, the memory of this historical trauma remains alive today and is reflected in the narratives about Italianization.

Key words: *Slovenian language, Italianization, Fascism, national minorities, language situation, Italy, Slovenes*

Reference for citation: Yasinskaya, M. V., 2025, Ital'ianizatsiia sloventsev v Italii v period fashizma i ee otrazhenie v ikh iazyke, kul'ture i samosoznanii (na materiale polevykh zapisei) [The Italianization of Slovenes in Italy during the Fascist Period and its Reflection in their Language, Culture, and Identity (Based on Field Recordings)]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 224–244. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.12

References

- Mlinarič, M., 2014, *Potalijančevanje slovenskih imen in priimkov med prvo in drugo svetovno vojno* [Italianization of Slovenian Names and Surnames during the First and Second World Wars], undergraduate thesis. Ljubljana, 84.
- Parovel, P., 1993, *Izbrisani identitet. Nasilno potalijančevanje prezimena, imena i toponima u "Julijskoj Krajini", od 1919. do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5.300 dekreta* [Erased Identity: The Forced Italianization of Surnames, First Names, and Place Names in the 'Julian March' (Venezia Giulia), from 1919 to 1945, with Lists from the Provinces of Trieste, Gorizia, and Istria, and the First 5,300 Decrees]. Pula, Istarsko književno društvo "Juraj Dobrila", 235.
- Parovel, P., 1996, *Velika prevara na slovenski zahodni meji* [A Great Deception on the Slovenian Western Border]. Kamnik, Slava, 113.
- Pilipenko, G. P., 2022, *Vospriiatie Triesta v narrativakh sloventsev v Italii* [The Perception of Trieste in Narratives of Slovenes in Italy], *Bulletin of Slavic Cultures*, 63, 247–267.
- Pilipenko, G. P., 2025, *Voennaia diktatura v stranakh Latinskoj Ameriki i ee vliianie na iazykovuiu situatsiiu vostochnoslavianskikh pereselencheskikh soobshchestv (po svidetel'stvam informantov)* [Military Dictatorships in Latin American Countries and their Impact on the Linguistic Situation of East Slavic Immigrant Communities (Based on Informants' Testimonies)]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 245–266. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.13
- Tasso, M., 2010, *Un onomasticidio di Stato* [A State Onomasticide]. Trieste, Mladika, 192.
- Yasinskaya, M. V., 2021, *Obraz granitsy i sosedei v vospriiatii slovenskogo etnicheskogo men'shinstva v Italii (provintsii Goritsiia)* [The Image of the

Border and Neighbors in the Perception of the Slovenian Ethnic Minority in Italy (Province of Gorizia)], *Etnografia*, 1 (11), 50–74. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74

Yasinskaya, M. V., 2022, Nekotorye osobennosti funkcionirovaniia antropimov u sloventsev na ital'iansko-slovenskom pogranich'e (na materiale polevykh issledovaniy) [Some Usage Features of Slovenes' Personal Names in the Italian-Slovenian Border Area (Based on Field Research Materials)], *Problems of Onomastics*, 19, 3, 126–145.

Yasinskaya, M. V., 2024, Spetsifika iazykovogo landshafta sloventsev v Italii (doliny rek Torre i Natizone) [The Specificity of the Linguistic Landscape of the Slovenes in Italy (the Torre and Natizone Valleys)], *Rusin*, 75, 233–247.